

ПРЕДВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО*

Аннотация. На основе оценки значительного массива фактов естественнонаучного и социального профиля автор задает эпистемологическую модель предвидения. В отличие от пророческого прорицания научная прогностика высказывает не о будущем, а о возможном.

Ключевые слова: прогноз, предвидение, прорицание, пророчество, мантика.

Выход из лабиринта проблем – некий предел жизненному негативу – намечает экстраполяция, оказывающаяся сортом мысленного эксперимента по устранению несообразного, рациональному дистанцированию, отстранению от него. Функциональное амплуа ее чрезвычайно богато: это – оценка возможностей, моделирование социальных состояний, определение лучшего, подчиненных концептуальному движению от несовершенного к совершенному без эволюционно-практических опосредований.

Интеллектуальные модусы предвосхищения – пророчество, утопия, прогноз.

Пророчество. Оракульство, предрекание, прорицание есть вид пророческой, сакральной, оккультной, тайной практики уловления и выражения высшей, потусторонней воли. В вариантах жреческой, священнослужительской, паранормальной духовной миссии оно может вызывать глубокое душевное понимание, участие, сопричастие, средствами *ratio*, однако, как любое мантическое трансцендентное не схватываемое.

Утопия. Во всех разновидностях – дистопия, какотопия, энтопия, антиутопия, ухрония – выступает ресурсом абстрактного конструирования потребного вне практической адресации к реалиям. Утопия черпает силы из действительности мысли, а не наличной действительности. Как указывает Мор, в утопическом социуме имеется много такого, чего можно более желать в наших государствах, нежели ожидать. Стихия утопии – перекрывающее несостоятельность, неосновательность существующего, воображение, влекущее некое видение предстоящего. Последнее, выражая предметность потенциально сущего, ветвится на кошмар и упование.

Кошмар – гнетущее, тягостное предвосхищение будущего. Упование – радостная, благоприятная надежда на осуществление ожидаемого.

То, что позволяет утопии становиться величиной, принимаемой в расчет, есть не нескончаемое устремленное к чуду – заклятие, а приближение бытия к ценностям, превышающим воплощенное.

Когда созревает ученик, рождается учитель. Когда формируется потребное понятие жизни, оформляется побуждение трансформировать жизнь по понятию. Ввиду сказанного нельзя не отдать должное правоте О. Уальда, расценивающего прогресс как объективацию утопий. Спрягая бытие с ценностями через побуждение, волю, утопия будирует социальное зодчество. Почему утопия находит путь в жизнь? Потому что подчиняет жизнь интенции ее улучшения.

«Поэт творит призраки, а не подлинное бытие», – утверждал Платон, усматривавший в деятельности поэтов великую опасность для общества. Социальная опасность поэтического труда в ценностном разворачивании, обуреваемом идеала-

* © Яровой А.В.

ми, захваченном порывом превозмочь сущее. Превзойти, преодолеть, пересилить, стремительным броском перекрыть имеющееся, – пафос утопического сознания, образующий причину его длительных и глубоких влияний на социальную практику.

Заставлять думать об обществе (гражданской участи), которого еще нет, – великое призвание утопии, накапливающей смысловое напряжение в человеке и тем самым потворствующей его самопревращению. Если пытаться выразить значение утопии для культуры одним словом, им может быть «ценностное причинение», «идеалоемкое целеполагание». Долженствовательным идеалообязывающим воскормлением, – именно им пропитаны многоликие ветвления утопических композиций, у истоков которых – творения Эвгемера («Священная запись») и Ямбула («Государство Солнца»), живописующие идеальные общественные состояния, в изобилии данные в пересказах и независимых проработках позднейших авторов.

Классические образчики утопий, сообщающих мощный толчок скованной заскорузлым неудобьем жизни энергии народа, – сочинения Платона («Государство»), Августина («О граде божьем»), Мора («Утопия»), Иоахима Флорского («Вечное Евангелие»), Андреаса («Христианополис»), Бэкона («Новая Атлантида»), Кампанеллы («Город Солнца»), Гартлиба («Макария»), Гарлингтона («Океания»), Кабе («Путешествие в Икарию»), Ренувье («Ухрония»), Морриса («Вести ниоткуда»), Ш.Фурье («Новый хозяйственный социетальный мир»), Батлера («Эревуон»). В жанре негативных утопий-предупреждений и антиутопий выполнены труды Бульвер-Литтона («Грядущая раса»), И. Греча («Через зодиак»), Г. Честертона («Наполеон из Ноттинг-Хилла»), Э. Форстера («Машина останавливается»), Хаксли («Прекрасный новый мир»).

В России построением утопий занимались М. Щербатов («Путешествие в землю Офирскую»), А. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), В.Одоевский («Город без имени»), А. Улыбышев («Сон»), Г. Данилевский («Жизнь через сто лет»), Н. Чернышевский («Четыре сна Веры Павловны»), Н. Федоров («Вечер в 2217 году»), А. Богданов («Красная звезда»). Вариант антиутопии и замытинское «Мы».

Упомянутое, хорошо известное – лишь краткий ни на что не претендующий перечень; вообще же с XVI по середину XX вв. выпущено около тысячи утопических текстов.

Конечно, представитель социального добра не имеет права на бездействие. Между тем «договоры без меча – только слова» (Гоббс). Одно дело парангон, другое дело технология его получения. Одно дело «перманентное фойе с буфетом» (Мандельштам), другое дело средство его обретения. В реальном движении от образа (идеал) к исполнению (воплощение) приходится сталкиваться с пылью и грязью на дороге, бревнами и камнями под колесами. Преодолеть житейские неурядицы на пути претворения проектов утопия не способна. Неискоренимый изъян ее – надмирность, отсутствие гражданского обсчета, выверенных способов достижения идеалов.

Лишенная объективного общественного смысла, отображающая лишь мощь субъективного провидения, утопия демонстрирует и силу и бессилие человека. Силу дерзновенного духа, бессилие косной, связанной устоями жизненной плоти. Любая попытка обмирщения утопии неизменно, неизбежно терпит крах, влечет всеохватную, проникающую гуманитарную катастрофу.

Прогноз. Дабы не подменять красоту пользой, истину благополучием, дабы не покупать счастье ценой свободы, требуется пренебречь легковесной утопией в пользу солидного, добропорядочного прогноза.

С эпистемологической точки зрения прогноз (предвидение, предсказание,

предвосхищение, предугадывание) есть выводное утверждение о будущем, имеющее вид гипотетической (вероятностной) импликации «согласно основаниям (факты, законы, свидетельства) X возможно (во всей видимости; скорее всего) осуществится Y». По своему познавательному регламенту прогноз выгодно отличается от профетических (мантических), проскопических утверждений (прорицаний) относительно будущего, получаемых в рамках знахарства и шарлатанства.

Насколько состоятельна прогностика в качестве когитального ареала, некоего познавательного поля, способности суждения, имея в виду возможности, значения, границы социальной науки, условия реализации позитивного знания? Вопросу нельзя отказать в остроте, учитывая онтологический модус будущего, – а именно: будущее как *status rerum* не есть объективная данность, а значит, не может выступать содержанием никакого верифицируемого исследования; знание предметно, о том, что не существует, т.е. не составляет плоти размышления, не может быть знания. Вероятно, по этой причине дискредитируется возникшая во второй половине XX в. на Западе футурология, квалифицируемая нашими ортодоксами не иначе, как псевдо- и квазидисциплина.

Что же – предвидение невозможно? С поспешным утвердительным ответом на вопрос не позволяет согласиться реальность науки, в познавательную компетенцию которой наряду с описанием и объяснением входит и предсказание. Хрестоматийны антиципации

– Адамса (1845), Леверье (1846) (на базе исследования возмущений Урана) о существовании Нептуна, открытого Галле (1846);

– Галлея – о времени нового появления (1758) кометы 1682 (комета Галлея);

– Менделеева – успешное применение периодического закона для фиксации свойств галлия;

– Дирака – о наличии позитрона.

Пожалуй, намечается антиномия: предсказание невозможно ввиду отсутствия *status rerum* (невыполнимость методологического условия предметности знания) – предсказание возможно как технический, стандартный, благодетельный мыслительный акт (выполнимость функционального условия познавательной деятельности). Преодоление антиномии просматривается в перспективе понимания самой когнитивной природы предсказания как эвристической процедуры.

Поскольку регулятивная презумпция предметности знания радикальна, предвидение актуально незаданных состояний невозможно. Непреднамеренное указание на предметные данности незаведомым образом (догадка, тем более оракульство, мантика) в счет не идет. Позитивное научное предвидение реализуется как фиксация потенциально заданных состояний, имеющих укорененную диспозицию становления. Будущее в первом и втором значении различно. Одно трансцендентно, непознаваемо. Другое тенденциозно, – вымогаясь настоящим, принципиально познаваемо. Инструментом освоения будущего во втором значении служат динамические и функциональные зависимости, опора на которые обеспечила научный успех выше упомянутых исследователей.

Точность, строгость, детализированность прогностики варьируют в зависимости от параметров онтологических сред, репрезентирующих их концептуальных моделей. Вехи эвристического роста здесь намечают стадии:

– организованная простота (неорганика) – классическая механика;

– неорганизованная сложность (неорганика) – статистическая физика;

– организованная сложность (органика, надорганика) – синергетика, цивилизационистика.

Методологическим оформлением реальности прогнозов на базе установленных, эмпирически подтверждаемых законов служит максима: предвидение

высказывает о возможном, а не существующем. Реальность не фатальна, а значит, не рационально логична; ресурсами не принимающей в расчет случайности формальной логики адекватно восстановлена она быть не может (другого взгляда придерживался Демокрит, предложивший исходно пуристический сценарий познавательного опыта: редуцировав реальность к логике, он элиминировал из нее случайность. Универсум Демокрита до мозга костей фатален, рационален, а потому тривиален).

Применительно к социосфере возможность предвидений как эмпирических констатаций, дедукций из капитальных законов (закон возрастания потребностей) не проблематизируется. Объект проблематизаций – возможность предвидения удаленного будущего. Общество, в отличие от природы, будучи формацией мотивной, целерациональной, достижительной, утрирует волеоформленные ценности, интересы, а значит, подтачивает способность суждения, проецированного на перспективу. Прозрачным образом данное обстояние дел выразил Вундт, сформулировавший принцип гетерогении целей, согласно которому цели, преследуемые человеком, во-первых, не осуществляются непосредственно, в чистом виде; во-вторых, модифицируются, видоизменяя поступки, вследствие чего результаты деятельности а) оказываются независимыми от ее агентов; б) не вытекают из исходных мотивов; в) не могут быть реконструированы из строя человеческого духовного мира.

Сказанное подрывает пресуппозицию рациональности общества, обуславливая стихийность, волюнтарность, турбулентность, а вместе с этим непредсказуемость социальных процессов. Открыть ворота истины через методологическое восстановление полномочий ratio в общественном знании пытались идейные прогрессисты.

Посредством изучения основных фактов истории Милль предполагал установить обязывающий закон прогресса, который, будучи однажды выявлен, «должен позволить ... предсказывать будущие события точно так же, как в алгебре: установив несколько членов бесконечного ряда» возможно «открыть принцип регулярности в их образовании и предсказать, каким будет следующий участок ряда для любого числа членов» [2].

Представляющий концептуальный остов прогрессизма, нацеленный на дополнение каузализма гносеологический функционализм знаменательно оптимизирует экстраполяцию понятием роли, места, назначения элементов в системе. Интерес аналитика с этих позиций озабочивается разложением целого на составляющие с конституированием зависимостей между частями и их с целым с прояснением оснований адаптированности, жизнеспособности целого. Все дело в том, однако, что антиципирующий потенциал социальной мысли методологический функционализм должным образом не усиливает и не расширяет. Издержками императивов этого достаточно перспективного направления в их фактической реализации выступают абстрактность, статизм рассмотрения, искусственность допущений равновесности, интегрированности, неконфликтности общества, невнимание к индивидуальному. В качестве ресурса обеспечения идейного прогрессизма, следовательно, методологический функционализм не состоятелен.

Мотив прогрессизма как базиса предвосхищения социальных реалий пропитывает и позитивизм, и марксизм. Духовная близость одного другому почему-то не получила до сих пор надлежащего истолкования. Между тем и Конт и Маркс крепили свою доктрину на идентичных посылах. Оба разделяли

– универсализм: человеческая история удовлетворяет единым законам развития социальных организмов – модель смены духовного (Конт) или материального (Маркс) строя общественных систем (стадии, формации);

– эволюционизм: детерминированное движение от менее к более совершенным фазам; вариант Конта – духовный (интеллектуальный, моральный) рост; вариант Маркса – материальный (производительные силы) рост;

– финализм: допущение предельных фаз совершенствования; вариант Конта – позитивное состояние; (вариант Спенсера – «законченное счастье»); вариант Маркса – коммунизм;

– профетизм: живописание «на наших глазах» утверждающегося грядущего;

– активизм: инициация чаемого; вариант Конта – проповедь новой религии человечества; вариант Маркса – интернационал – революционное преобразование общества.

Если миллевская редакция прогрессизма страдает издержками функционализма, то контовско-марксовская его редакция страдает издержками механицизма. Последний проявляется в некритической способности утверждать о будущем по «прошлому и настоящему» с игнорированием перипетий живого творчества истории агентами деятельности.

Живое творчество истории непосредственных ее вершителей – людей – Конт тщился перекрыть («снять») воспитательным, Маркс – силовым преображением. Ни один, ни другой не допускали возможности привнесения новых фактов, определений (вследствие инновационного инспирирующего обновления) в историческое развитие. Печальный финал и позитивистской, и марксистской философии истории – прокламация неизбежного в жизни. В случае позитивизма – стадия социального равновесия; – Спенсер, спроецировавший второе начало термодинамики на общество в фазе «идеальной» стабилизации, столкнувшись с кошмаром «тепловой смерти», пережил сильнейшую депрессию. В случае марксизма, – стадия социализма с вегетативными свойствами: отсутствие жизненных состояний (доктринальное упразднение товарно-денежных отношений, классовых, национальных различий).

Такого рода «неизбежности» вызывали обоснованный протест критиков «научного социализма» справа, что дало повод Марксу констатировать: «... коммунизм видит, что другие социалистические учения ... возникают против него не случайно, потому что он сам есть только особенная, односторонняя реализация социалистического принципа» [3]. За эвфемизмом «особенная, односторонняя реализация социалистического принципа», как задним числом мы знаем, – властно-силовое, принудительное вызывание потребных состояний через террористическую авторитарную диктатуру. Для оправдания ее действий и потребовалось развернуть идеологию научного предвидения человеческого будущего.

Обмирщавший трагический опыт волюнтарного безумия Сталин высказывался на сей счет предельно последовательно: сила марксизма-ленинизма в том, что он «дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий», предвидеть их ход, «распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [1].

Итак, возможность пророчества оправдывает социальный волюнтаризм, а за ним и неистовство насилия, и самовластное самоуничтожение.

Хорошо предсказуемы фигуры заорганизованного (механизированного, дисциплинарного, милитаризированного) общества, где мысль и воля правящей элиты выступают рычагом создания наличных реалий. Однако в своем положительном богатстве даже самая заорганизованная социальная действительность не может быть порождена ни мыслью, ни волей; управление человеческой свободой не может быть безграничным.

Во-первых, есть гетерогения целей (на что указывал Вундт). Во-вторых, есть полная или частичная деперсонализация результатов индивидуальных действий (стихийность обмена деятельностью) (на что указывал Кондратьев). В-третьих, есть научно-технический прогресс, радикально модифицирующий исторические судьбы человечества (на что указывал Поппер). В-четвертых, есть спонтанность частного выбора (на что указывал Реклю, утверждая: «Равновесие общества является неустойчивым, исключительно вследствие тех причин, которые ставятся отдельными личностями в свободе расширения их деятельности. Свободное общество создается путем представления свободы развития каждой человеческой личности, которая является первичной и основной частицей общества и, по собственному желанию, соединяется с другими такими же частицами»). В-пятых (на что указываем мы), есть испытание человеческой веры, ценностные переакцентировки, смена символических ниш, обновительная роль идеалов, переводящие действия из одного плана в другой.

А прогос: распад СССР доктриной не предусматривался. Оставляя за рамой обсуждение темы – хороша ли доктрина? – напомним лишь, что в предсказании устойчивости роста советского общества были единодушны и отечественные обществоведы, и советологи ЦРУ (наблюдение А. Фурсова).

Подытоживая, обозначим: самовластие сердца, воли, мгновенных вспышек огня; эпизоды перехода черты разума или, напротив, его универсализации; случаи вмешательства объективных факторов, когда природа вступает в свои права; расщепление духовного мира, отмежевание от самих себя; гипертрофия чувства предстояния, утверждение собственной исключительности; драматичные вовлечения в иные игры, – все это, принятое во внимание, позволяет вывести положение о непредсказуемости ценностных основ жизни, а с этим – ее общую непредсказуемость. Отсюда: утверждения об удаленных будущих состояниях человечества либо невнятные утопии, либо бессмыслицы. Мудрая осмотрительность обязывает высказываться не о будущем, а о возможном; лишь это не обманывает ожиданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История ВКП (б). М., 1946. С. 339.
2. Милль Дж. Ст. Логика. СПб., 1892. С. 183.
3. MEW. Bd.1. S. 344.

A. Jarovoj

FUTURE PREDICTION

Abstract. On the basis of estimation of a considerable amount of the facts natural-science and a social profile the author sets epistemological prediction model. As opposed to profetical predictions scientific prognostic states not about the future, but about the possible.

Key words: the forecast, a prediction, a prediction, profetizm, a mantic.